ЕЛЕНА БЕЛЯКОВА[1]

Памятники церковного права и проблема христианского гуманизма

DOI 10.17846/pdjkss.2026.100-109

Belyakova, Elena: Fountes of Canon Law and the Problem of Christian Humanism

The concept of Christian humanism was employed in Russian philosophy by S. L. Frank, as well as in German philosophy following World War II. This concept takes on particular significance in an era marked by the dehumanization of the individual and a crisis of the Orthodox tradition. The article examines the role played by the canonical heritage in upholding a humanistic attitude toward the individual. It asserts the dual nature of canonical law texts: on the one hand, they enshrine concepts such as "mercy" and "philanthropy". Apostolic Canon 59 served as the basis for the Pravilo zakonno, which was incorporated into the Merilo Pravednoe (and the Kormchaia Kniga of the Chudov redaction. The rules also condemn killing – whether in war or in self-defense against bandits – a stance vividly reflected in the Pseudo-Zonaras. On the other hand, Byzantine legislation incorporated into Slavic canonical collections contained harsher penal provisions than those found in Slavic customary law. Sources of canon law also influenced attitudes toward "others".

Sources of canon law; Christian humanism; vocabulary of canonical texts; "Pravilo zakonno".

1. Христианский гуманизм – это термин все шире применяется в современных гуманитарных исследованиях. Еще в 1931 г. его использовал вынужденный покинуть Россию философ С. Л. Франк. Анализируя творчество Ф. М. Достоевского, С. Л. Франк признал величайшим достижением писателя «настоящий подлинный гуманизм, который во всяком, даже в падшем и низменном человеке видит человека как образ Божий» (Франк 1996: 366). И далее философ пишет: «В наше жестокое время, когда образ человека начинает меркнуть и презрение к человеку грозит пошатнуть самые основы общежития, вера в человека может найти свою единственную опору только в том отношении к человеку, которое обрел Достоевский. Гуманизм должен либо окончательно погибнуть, либо воскреснуть в новой и вместе с тем исконной и древней форме – в форме христианского гуманизма» (Франк 1996: 366-367). Термин «христианский гуманизм» стал широко использоваться в Германии после краха нацистского режима. Термин носил культурно-фи-

[1] Елена Владимировна Белякова, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории религии и церкви, Институт российской истории РАН, 117292, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19. ORCID: 0000-0002-4963-4843.

лософский характер и выступал ответом на антихристианский «третий гуманизм» фашизма (Bakshi – Kemper 2011: 132). Термин «христианский гуманизм» стал употребляться и для характеристики русской религиозной философии XX в., представленной философами-эмигрантами и, в первую очередь самим С. Л. Франком (Элен 2012), Н. А. Бердяевым, С. Булгаковым (Еремичев 1996: 7). Сейчас он вновь актуализировался как ответ на общий процесс дегуманизации, а также кризис православной традиции и бессилие церковных институций в противостоянии войне и утрате миротворческих инициатив. Это заставляет по-новому взглянуть на историю церковных институций.

2. Какое значение имел перевод на старославянский (церковнославянский язык) памятников церковного права? Какое значение имела их лексика? Имеют ли они ценность для современной культуры или целиком принадлежат прошлому, потому что современные православные церкви руководствуются принятыми ими уставами? Повлияли ли они на современную церковную традицию? Долголетняя работа по изучению этих памятников дает право на постановку этих вопросов.

В канонах сделана попытка церкви закрепить себя как сообщество, как институцию, сформулировать то, как должны складываться взаимоотношения членов церкви, что ставит человека вне Церкви, вне Христа. Каноны создавались для укрепления институционального начала в церкви. Они не зачеркивали присутствие харизматической составляющей, она продолжала жить в первую очередь в монашеской традиции, которую каноны пытались ввести в определенные рамки. Здесь очень показательны 19 правил Гангрского собора, кончающихся проклятием («да будеть проклят») за ошибочно понятый путь монашеской аскезы.

3. Можно говорить о двойственной роли славянских канонических памятников.

С одной стороны, они дают представление о достоинстве человека, о высоких требованиях к клирикам и вообще христианам. Только достоинство, нравственная чистота человека открывали для него возможность стать клириком. На листах Ефремовской Кормчей более 50 раз употребляется слово «достоиныи» (*аксиос*) (Максимович 2010: 69-70).

Большинство слов, обозначающие церковные степени: *дьякон, иерей, пресвитер, епископ, архиепископ, митрополит, патриарх* – остались не переведенными с греческого на славянский язык и не создали новых ассоциаций и смыслов. Значение греческих слов надо было объяснять, истолковывать, что делали и переводчики Алфавитной синтагмы и издатели Печатной Кормчей. Славянские корни имеются только для «священника» и «чистителя». Слово «священник» происходит от «святости» (значение этого понятия прослежено в двухтомном труде В. Н. Топорова (Топоров 1995, 1998). «Чиститель» оказалось утрачено в современных славянских языках, хотя во всех

имеется слово, восходящее к старославянскому «чистъ» (*čistý* – слвцк.). Слово «чиститель» употребляется в Изборнике 1053 г., Пандектах Антиоха, в Ефремовской Кормчей (к сожалению, словарь к «Законоправилу св. Саввы» не создан). А вот в «Псевдозонаре» оно отсутствует. «Чиститель» в переводах Ефремовской Кормчей соответствует греческому *αρχιερεύς*, *ιερατικός* и еще чаще *ιερεύς* (Максимович 2010: 342). Т.е. священник ассоциировался с очищением, чистотой, которой противостояла нечистота, осквернение. Для славянского архаичного сознания это очень важная оппозиция. Именно на выяснение, что делает человека/священника нечистым, направлены большинство вопросов в одном из древнейших русских памятников канонического права – Вопрошаниях Кирика. Особое происхождение имело и слово «попъ», которое могло прийти из балканского народного латинского языка (Билярски 2011: 413).

Ниже мы вернемся еще к теме достоинства человека, милосердия и человеколюбия, а сейчас укажем на вторую сторону славянских канонических памятников.

4. Славянские канонические памятники стали одновременно носителями текстов, предписывающих жестокие наказания. Это связано с тем, что почти все славянские памятники канонического права включают в себя и памятники византийского законодательства, содержащего жесткие нормы по отношению к преступникам и еретикам. Разделить, как это сделали византинисты – составителя Указателя греческих рукописей (Repertorium) на юридические и канонические славянские рукописи невозможно. Уже св. Мефодию приписывают историки создание Закона судного людям, в основе которого лежит XVII глава Эклоги. Не позднее XII в. было переведено на славянский язык Собрание в 93 (87) главах, составленное из новелл императора Юстиниана. Резкую оценку деятельности этого императора дал известный византинист Г. Острогорский: «Характерно, что именно Юстиниан, этот великий римлянин на византийском престоле, так помыкал церковью, как не решался это делать ни один византийский император, ни до, ни после него. Подобно тому, как в государственном механизме он во все сам входил и над всем неограниченно властвовал, Юстиниан стремился самовластно регулировать во всех мельчайших подробностях и жизнь церковную. Но замечательно, что и сама церковь признавала царя-богослова своим руководителем. На поместном константинопольском соборе 536 г. тогдашний патриарх заявил во всеуслышание, что помимо воли и повеления императора в церкви ничего не должно предприниматься» (Острогорский 1931: 123).

Переведенные тексты законодательства предлагали такие виды наказаний, которые не были известны славянам. Выборка законов из Номоканона Фотия, встречающаяся в греческих рукописях, была переведена на славян-

ский язык в XIII в. и включена как 47 глава «От различныхь титьль рекше граныи Иоустинияна цара новыхь заповеди главы по избранию различны» (Законоправило 1991: л. 240в – 249в.). 13 статья этой главы содержит наказания для церковных «татей» (т.е. грабителей) в виде отдания зверям («нецыи бо зверем предаеми бывают»), сожжения («неции и сожигаеми бывают»), повешения, ссылки на рудники. (Законоправило 1991: л. 243а – б). Достаточно напомнить, что славянское обычное право не знало таких видов наказаний. Русская Правда устанавливала денежные штрафы за разные виды преступлений. Толкование Федора Вальсамона, в котором он называет эти наказания «**не уголовными наказаниями, а бесчеловечным убийством**» и что «по законам и всем новеллам мы должны толковать законы **человеколюбивее**» (Нарбеков 1899: 312); остались неизвестны в славянской традиции, а законы оказались востребованы в Московской Руси XVII в. (Медведев 2001: 492-498). Иосиф Волоцкий в начале XVI в. называл византийские законы «божественным писанием» и требовал казни еретиков, ссылаясь на эти законы: «Зде же имать сказание от божественных писании, яко подобает еретика и отступника не токмо осужати, но и проклинати, царем же и князем и судиям подобает сих и в заточение посылати, и казнем лютым предавати» (Просветитель: 474-502; Белякова 2023: 169-174).

Известный историк-византинист Х. Г. Бек в двух последних своих работах «Actus fidei» (Beck 1987) и «Обхождение с еретиками. Вера простых людей и власть богословов» (Beck 1993) поставил вопрос о том, как преследование еретиков влияло на жизнь средневекового общества. Историк встал на запоздалую защиту «веры простых людей», объявленных в средние века еретиками, и эта позиция была для него неслучайна, она соответствовала его нравственным требованиям. Тема еретиков занимает значительное место в канонических памятниках, ей посвящено множество глав в Законоправиле св. Саввы. Трактат, приписанный в Кормчей Епифанию Кипрскому, является энциклопедией «ересей», многие из которых известны только из этого текста.

Особую роль играли антилатинские сочинения. Они создавали дискурс отношения к «чужим», перечисление бытовых особенностей рассматривалось как «ересь». Само понятие «ересь», оставшееся не переведенным с греческого, утратило множественность значения этого слова в греческом языке, в том числе и «другое мнение».

Каноны предписывали запрет на общение с иноверцами, не только литургический, но и бытовой: запрет браков, совместных трапез. Понятно, что это помогало общинам сохранять доктринальную идентичность, но препятствовало возможным формам общения и взаимопомощи. Жития свидетельствует, что эти нормы на практике нарушались, а совместные праздники и трапезы имели место.

5. Язык канонических памятников остается малоизученным. Среди исследований, посвященных этой проблеме, нужно назвать работы И. Билярского (Билярски 2011), изучавшего наиболее ранние памятники, и М. Цибранской-Костовой (Цибранска-Костова 2011).

К сожалению, словарь составлен только к Древнеславянской редакции Кормчей (Максимович 2010) и Псевдозонаре (Кемалова 2016). Нет словаря к сербской и русской редакциям Кормчих, к Алфавитной синтагме Матфея Властаря.

6. Очень важное для христианской традиции понятие «милосердие» (имеется во всех славянских языках и восходит к латинскому *misericordia*) в Ефремовской Кормчей встречается всего один раз в 7 правиле Василия Великого при обращении к епископу: «молящеся милосердию твоему» (Бенешевич 1907: 469, 27).

Намного чаще встречается понятие «человеколюбие» (греч. *φιλανθρωπία*). В современных славянских языках употребляется чаще греческий вариант этого слова. В гимнографии это слово, как правило, употребляется по отношению к Богу. В канонических текстах в значении ойкономии, когда речь идет о прощении греха, возможность этого прощения предоставлялась епископу.

Обратимся к 59 апостольскому правилу, согласно которому епископ и священник, не помогающий нуждающимся клирикам, приравнивается к убийцам. Перевод этого правила очень близок в Древнеславянской и Сербской редакции Кормчей. В Древнеславянской: «Иже епископ или поп коему от причьта скудьну сущу не подаваеть потребных, да отлучится, пребывая же тако, да изверженется, яко убив брата своего» (Бенешевич 1907: 74, 22-27). В Законоправиле: «Аще которы епискупь, или презвутерь некоему причьтнику убогу сущу, не подасть потребных, да отлучить се. Пребывая немилостивь, да изврьжет се, яко убиица сыи брату своему» (Законоправило 2005: 145).[2] К этому правилу толкование было дано не Алексея Аристина, а Иоанна Зонары: «Црькьвное богатьство убогых богатьство Светое Писание именуе, и подобает раздавати е убогым. Аще же инеем требующимь раздавати црьковьнии властеле дльжни суть, якоже пишет, колми паче соущие под ними причьтники миловати и давати имь потребная дльжни соуть; сего же не творе, да отьлучит се, пребывеи же неисправлень, да изврьжет се, яко елико же самь бысть братоубица, ибо не имее потребных на ставление животу умираеть, аще бо не умреть он, отинуде божьственьному промышлению даровавшему ему потребная животу» (Законоправило 2005: 145).

Это правило было использовано при создании русского памятника «Правило законно», включенного в Мерило Праведное и Кормчии Чудовской редакции, наиболее распространенной в Московской Руси. Оно

[2] В Иловицкой Кормчей часть листов с апостольскими правилами утрачена.

было значительно расширено: «Писано бо есть в святых апостол правиле 59 «церковное богатьство нищих богатьство» въздраста деля сирот, и старости, и немощи, и в недуг въпадших , нищих кормленье, и чад мног, страньным прилежание, сиротам и убогим промышленье, вдовам пособье, девицам потребы, обидимым заступленье, в напастех поможенье, в пожаре и в потопе, пленным искупленье, в гладе прекръмленье, ходобе умирая, покровы и гробы погребанья, церквам и монастырем пустым подъятие, живым прибежище и утешение, а мертвым память» (Русская историческая библиотека 1920: 36, 45, 47). Этот текст демонстрирует широкую социальную программу: помощь нуждающимся, выкуп пленных, заступничество за обиженных, помощь в бедствиях, погребение умерших, помощь бедным монастырям. Социальным концепциям современных православных церквей далеко до этой программы: заступничество за обидимых, выкуп пленных, миротворчество ушли из их деятельности. Конечно, не только 59 апостольское правило послужило источником этого текста. В распространенном в славянской письменности апокрифическом «Прении Иисуса с диаволом» также есть перечисление тех добродетелей, за которые человек спасается: «странных в дом свой приведут, нищих наделят, нагия приодеют, голоднии накормлят, алчущия и жаждущия напоит, мртвих до гробу опроводит…» (Франко 2006: 201).

В истории мы видим такое проявление милосердия прежде всего в житиях (житие святителя Николая, Иоанна Милостивого и др.). При монастырях были специальные дома для «странных» и больных, ктиторство также выступала как важная добродетель правителей и особенно правительниц (Leber 2023: 360-362). Наличие этих институций в обществе и такое понимание задач церкви не могло не влиять на смягчение нравов.

7. Особенно это проявлялось, как мы уже писали, на отношение к войне и убийству (Белякова 2003). Убийство рассматривалось как самый страшный грех и за него полагались самые тяжелые наказания. И убийство на войне, и убийство при нападении разбойников извергало клириков из сана (55 правило Василия Великого), а воин, убивший на войне, лишался причастия на 3 года по 13 правилу Василия Великого. В Алфавитной синтагме Матфея Властаря в разделе буквы «Ф» глава 5 подобраны правила о вольном и невольном убийстве. Смысл греческого текста был недостаточно ясно передан в славянском переводе: «Понеж и все еугглское законоположение ко древнему нас возводящее и ко духовнои, елико мощно и лучшеи ведяще жизни, ни мало показуется или брани в добре полагающее, или убиистьы злобное придавляюще устремление, яко ж ветхаго имеаше законоположениа, но прямо сих стоаще, и сопротивная сих учащее» (РГБ, ф. 173.1, № 53, л. 186 об.) (Ср. перевод на русский язык: «Ибо и все евангельское законоположение, возводящее нас в первобытное состояние и призывающее

к духовной и, насколько возможно, к лучшей жизни, нигде не одобряет войн и убийствами не позволяет воспящать распространению зла, как это свойственно было древнему законоположению, – но, будучи совершенно противоположно сему последнему, оно и учит противному») (Матфей Властарь 2006: 390). Маргиналия к этому тексту более определенная: «Яко еугглское законоположение возбраняет ратем и яж в них убииствам и ветхаго завета». В этой же главе приводится рассказ об императоре Фоке, принуждавшем приравнять падших на войне воинов к мученикам и отказ епископов признать распоряжение императора. Вопрос «о иже разбоиникы оубивающих» рассматривается и в разделе «Л», 7 глава и приводится решение собора при Константине Хлиарине, лишившем сана (извергшем) епископа за убийство в порядке самообороны: «причетником же каково любо убийство сотворшим, абие изметатися» (РГБ, ф. 173.1, № 53, л. 136 об.).

В то время как обычное право позволяло убить вора, застигнутого на месте преступления, составитель Псевдозонара резко запрещал это, приравнивая к убийству: «Аще татя имеет крадуща и убиет его, и убииство велико наречется, понеже рукама ят его, накажи его инем наказанием, а вскую да убиеши его. Некто бо сыи гладен крадет, да поне сице насытит чрево е, и есть ему наставление се от диавола, пленяем безумием, ты же противитись безумию его, и свою душу погубил еси» (Ženuch и др. 2018: XXXVII, 2-8). В этом же памятнике содержится и запрет на убийство воина, просящего о пощаде: «Аще речет предався, брате, не убиваи мене, се в воли твое есмь. Сеи ж немилостив быв и убиет его, таковыи да отлучится от христианства (Ženuch и др. 2018: XLIX, 7-15). Здесь же содержится и предписание не убивать на войне, когда воют два царя: «но блажени съхраняющись тогда еж не убити, ни убитесь» (Ženuch и др. 2018: XLIX, 17-20).

Эти призывы к милости, милосердию в канонических памятниках являются ярким примером христианского гуманизма. Христианский гуманизм проявлялся в средневековых памятниках и в требованиях к священникам обличать беззаконные власти (Белякова 2022)

Некоторые гуманистические положения, сформулированные четко в правилах оспаривались толкователями. Так, апостольское 27 правило запрещает всем клирикам бить кого-либо, но так как был найден способ избивать, не самим, а поручать слугам, то было издано 9 правило 1-2 собора, осуждавшего эту практику. Тем не менее, практика избиения епископом священников была нормой, например, в России в XVII в., о чем свидетельствуют судебные процессы над епископами (Устинова 2023). Патриарх Никон на суде не только не отрицал этой практики, но и считал ее необходимой.

Очень важной составляющей канонических памятников являлось установление преград против «симонии»: продажи должностей, «мздоимства», совершения служения за деньги.

8. Подводя итог нашему исследованию, можно отметить, что канонические нормы своей установкой на человеколюбивое отношение к людям способствовали гуманному отношению к людям. Они противостояли жестокости обычного права и особенно практики убийства, столько характерной для средневековья. Обращение к канонам закрывало возможность сакрализации войны.

Каноны задавали в обществе определенное отношение к социально незащищенным слоям населения: вдовам, сиротам, нищим, больным. Впрочем, это отношение не распространялось на тех, кого относили к еретикам. «Другие» были исключены из канонов, а законы, наказывавшие смертной казнью манихеев и обратившихся в иудаизм, служили руководством к действию. Двойственность канонического наследия несомненно нуждается в серьезном изучении.

Библиография

Белякова, Елена: Византийское наследие и новые политические тенденции в «Третьем Риме». In «Три Рима» Софьи Палеолог. Москва: ИВИ РАН, 2023, с. 152-182.

Белякова, Елена: «О учители и священницы, никако же убо зло творящему не умолчите». Тема обличения неправедных властей в учительно-канонических текстах славянской книжной традиции. In Šašerina, S. – Žeňuch, P. (eds.): Interdisciplinárny výskum prameňov o jazyku a duchovnej kultúre. Bratislava: Slavitický ústav Jána Stanislava Slovenskej akademie vied, 2022, с. 77-86.

Белякова, Елена: Отношение к войне и убийству в канонических памятниках XIV – XVI вв. In: Миротворчество в России: Церковь, политика, мыслители. От раннего средневековья до рубежа XIX – XX столетия. Москва: Наука, 2003, с. 39-62.

Бенешевич, Владимир: Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Т. I. Санкт-Петербург: Отд. рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1907. 838 с.

Бенешевич, Владимир (сост.): Сборник памятников по истории церковного права, преимущественно русской церкви до эпохи Петра Великого. Петроград: Товарищество «Культура и знание», 1915. 250 с.

Билярски, Иван: Публично- и каноничноправна лексика в българското средневековно пространство. Варна: Черноризец Храбър, 2011. 493 с.

Еремичев, Александр: С. Л. Франк – философ русского мировоззрения. In Франк, С. Л.: Русское мировоззрение. Санкт-Петербург: Наука, 1996, с. 5-36.

Законоправило или Номоканон Светога Саве. Иловички препис 1262. година. Фототипија. Приред. М. Петровић. Дечје Новине, 1991. 400+L с.
Законоправило светога Саве. Т. 1. Приред. Петровић, М. – Штављанин-Ђорђевић, Л. Београд: Историјиски институт, 2005. 729 с.
Кемалова, Ани: Един юридически сборник от XVI век. Речник-индекс. Пловдив: Университетско издателство «Паисий Хилендарски», 2016. 636 с.
Максимович, Кирилл (сост.): Византийская синтагма 14 титулов без толкований в древнеболгарском переводе. Славяно-греческий, греческо-славянский и обратный (славянский) словоуказатели // Forschungen zur Byzantinischen Rechtsgeschichte. Frankfurt am Main: Löwenklau-Gesellschaft, 2010. B. 27. Hb.1. 353 p.
Матфей Властарь, иером.: Алфавитая синтагма: Собрание по алфавитному порядку всех предметов, содержащихся в священных и божественных канонах. Перевод свящ. Николая Ильинского. Москва: 2006 (репринт 1892), 410 с.
Медведев, Игорь: Правовая культура Византийской империи. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 575 с.
Нарбеков, Василий: Номоканон Константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона. Ч. 2. Русский перевод с предисловием и примечанием. Казань: Типо-литография императорского университета, 1899. 578 с.
Острогорский, Георгий: Отношение церкви и государства в Византии. In: Сборник статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием имени Н. П. Кондакова. Прага, 1931, вып. 4, с.121-134.
Русская историческая библиотека. Т. XXXVI. Памятники древнерусского канонического права, ч. 2, вып. 1. Петроград: Издание Археографической Комиссии, 1920, 106 с.
Топоров, Владимир: Святость и святые в русской духовной культуре. Москва: Гнозис, 1995, 1998, т. 1-2.
Устинова, Ирина: « Перед великим собором винился... и бил челом много… и прощения просил»: церковный суд над высшими иерархами в период патриаршества (конец XVI – начало XVIII в.). In Гайденко, П. И. – Оспенников, Ю. В. – Устинова, И. А.: «К покаянию и исправлению»: суды над архиереями в истории и современности Русской Церкви. Санкт-Петербург: Издательство СПбДА, 2023, с. 91-155.
Франк, Семен: Русское мировоззрение. Санкт-Петербург: Наука, 1996. 735 с.
Франко, Иван: Апокрифи і легенди из українських рукописів. Т. II. Апокрифи новозавітні (Репринт изд. 1899 р.) Львів: Львівський національний університет, 2006. 443 с.

Цибранска-Костова, Марияна: Покайната книжнина на Българското средневековие IX – XVIII век. София: «Валентин Траянов», 2011. 356 с.
Элен, Петер: Семен Л. Франк: философ христианского гуманизма. Москва: Идея-Пресс, 2012.
Bakshi, Natalia – Kemper, Dirk: «Christlicher Humanismus»: theologische und literarische Reaktionen auf den Zweiten Weltkrieg. In: Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова, 2011, вып. 13 (1), с. 124-136.
Beck, Hans-Georg: Actus Fidei: Wege zum Autodafé. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1987. 72 s.
Beck, Hans-Georg: Vom Umgang mit Ketzern. Der Glaube der kleinen Leute und die Macht der Theologen. München: Verlag C.H.Beck, 1993. 99 s.
Leber, Taisiya: Stifterinnen und ihre Stiftungen auf dem Balkan des Spätmittelalters. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2023. 489 s.
Repertorium der Handschriften des Byzantinischen Rechts. / Forschungen zur byzantinischen Rechtsgeschichte. Franfurt am Main: Löwenklau-Gesellschaft. 1995, 2010, 2014. B.1-3. 466 s., 295 s., 334 s.
Žeňuch, Peter – Белякова, Елена – Найденова, Десислава – Zubko, Peter – Marinčák, Šimon: Užhorodský rukopisný Pseudozonar. Pravidlá mníšskeho a svetského života z prelomu 16. – 17. storočia. Monumenta Byzantino-Slavica et Latina Slovaciae, V. Bratislava – Москва – София – Košice: Slavistický ústav Jána Stanislava SAV, VEDA, 2018. 448 s.